

***Рожанковская Ирина Ивановна.
Участник проекта "Я из прошлого протягиваю мост... "***

Родилась в 1938 году. Закончила Полиграфический институт, редакторский факультет. Работала в издательствах. В конце 70-х из-за идеологического и цензурного гнета мигрировала в маргинальное поле, в самиздат. Перешла на работу в котельные, где в то время работало немало людей, вытесненных из официоза: поэты, художники, философы, социологи и т.д., которые сразу после перестройки вышли в широкое культурное пространство и оказались востребованы. Я же доработала на котельных до пенсии. В 2008 году вышла написанная мной книга "Судьба одного семейства" - о Н.М.Карамзине.

ВОЕННОЕ ДЕТСТВО

Война тяжелым катком прошла по людским жизням – воевали ли люди, или терпели беды и лишения в тылу. Видимым или невидимым образом исказила она судьбы и горьким грузом легла на сердце. Когда говорят, что детство – самая счастливая пора, я думаю с сожалением, что мое детство, пришедшееся на войну, было печальным, и это ничем нельзя исправить.

Когда началась война, мне было два с половиной года, но уже примерно с трех лет я начала кое-что помнить сама, а многое узнала позже из рассказов родных, и все это так переплавилось в сознании, что стало уже как будто моей собственной памятью, и теперь уже невозможно одно отделить от другого.

В мае 1941 года мы с мамой и отцом приехали в Краснодар к маминой младшей сестре – она сняла в станице под Краснодаром домик для нашего летнего отдыха. 22 июня началась война. Отец сразу вернулся в Ленинград, а

мама со мной решила остаться, чтобы помочь сестре, - она должна была вот-вот родить. И 23 июля она родила сына. А у нее была еще десятилетняя дочь. Муж ее еще в апреле был призван на военные сборы в Крым и так там и остался, сразу вступив в боевые действия. В первый год войны жене дважды сообщали о том, что он пропал без вести, что, учитывая характер войны в Крыму, было равносильно сообщению о гибели. Связано это было с тем, что при отступлении нашей армии он до последнего момента оставался у переправы, исполняя свои обязанности связиста, так что не успевал попасть на катер (на переправе вообще творился хаос) и переправлялся на материк вплавь, а потом долго пешком добирался до Краснодара. Так было в ноябре 1941 года, так было и в августе 1942-го.

Мамина сестра с дочерью

В августе 1942 года дядя получил задание: укомплектовать все необходимое для военной связи оборудование и отправить груз в сторону Тбилиси. Он задание выполнил и заехал домой попрощаться. Не успел он еще спрыгнуть с грузовика перед своим домом, как из проезжавшей мимо танкетки крикнули, что немцы уже в городе.

Времени на сборы не было – надо было буквально бежать. Решено было ехать к старшей сестре в Нальчик. Дядя узнал, что через два часа должен уходить поезд на Армавир. Забросили в грузовик первые попавшиеся вещи, схватили детей и поехали на вокзал. По случайности, которая чуть было не стала трагической, мамы не было дома – она еще с утра по делам ушла в город, и где она, и когда вернется, было неизвестно. Ей оставили записку, чтобы она немедленно бежала к поезду.

На вокзале было столпотворение, сотни людей штурмовали состав. Дядя с трудом затиснул нас в вагон, и мы прилипли к окну: ждали маму. К счастью, отправление все задерживалось и задерживалось, но мамы не было видно. Наконец, поезд начал дергаться рывками, толчками, а потом медленно сдвинулся с места, и тут мы увидели, что мама бежит, пытается догнать состав, бежит уже из последних сил, задыхается. Мы закричали. Мама тоже что-то кричала. Поезд шел еще медленно, но платформы не было, а железные лесенки были очень высоко над землей.

И тут какой-то солдат выпрыгнул из вагона, схватил маму в охапку и побежал за набравшим ход поездом. Не знаю (и никто из видевших этого не понял), как удалось ему догнать поезд, поднять маму на ступени, где ее подхватили теснившиеся на площадке, а потом и самому вскарабкаться. В толчее и нервном перенапряжении (все мы плакали) мы потеряли его из виду и даже не узнали его имени. Но всю жизнь потом вспоминали этого человека – со слезами, с изумлением и благодарностью. Страшно было думать о том, что было бы с мамой (да и с нами!), если бы не он. Вообще этот случай казался нам таинственным, нуждавшимся в разгадке: все сцепление событий было каким-то необычайным.

Мы с мамой до войны

Мы ехали в тесноте, темноте, тревоге, но и с надеждой, что через сутки - двое окажемся в чистом, мирном доме, среди родных. Но скоро по вагонам поползли слухи, что Армавир бомбят и немцы подходят к Нальчику. Слухи эти подтвердились, эшелон наш направили в Новороссийск. Нальчик был занят немцами 28 октября. Стали составлять новый план относительно нашего прибежища: Туапсе, Сочи – там были какие-то дальние родственники.

Новороссийск тоже бомбили. Поезд остановился, сильно не доехав до вокзала, и когда мы бежали вдоль состава, вокруг все грохотало, выло, вспыхивало, а когда поток перепуганных людей достиг вокзального здания, за нашими спинами грохнуло и ослепительно вспыхнуло: это горел наш эшелон. На удивление, никто из пассажиров не пострадал, все успели добежать до вокзала.

Мы побежали в порт. У причала стоял пароход, не имея возможности отчалить из-за бомбежки: над портом кружили немецкие самолеты. Пароход был забит до отказа. На палубе находились в основном дети – эвакуировали детские дома. Дядя бросился к капитану и умолил взять трех его детей, раз уж это детский пароход. Капитан согласился, и мы вскарабкались на палубу. Но места невозможно было найти: дети сидели и лежали прямо на полу. Они плакали и кричали, у многих был понос, не было воды, туалеты не работали, стоял смрад, поверх которого пахло хлоркой, от которой резало глаза. Наконец, мы кое-как приткнулись, вещей у нас почти не было. Зато на руках был годовалый братец, и он тоже плакал, и у него тоже был понос.

Мой маленький брат

Катера береговой охраны устроили густую дымовую завесу, и под ее прикрытием наш пароходик смог выйти в море. В небе кружили самолеты, и все, кто понимал, что это значит, со страхом смотрели в небо. Мы были уже довольно далеко от берега, когда мама сказала: «Закрой ушки ладошками, а то оглохнешь». Я послушно зажала уши и уткнулась в мамины колени. Но и через зажатые уши услышала вскоре какой-то неистовый вскрик всего нашего кораблика и увидела в небе черный столб дыма, быстро опускавшийся. Это – не зенитки, зениток не было, а простая пулеметная установка на корме сбила немецкий самолет, и он,

дымясь, на наших глазах рухнул в море. Мы долго не могли успокоиться после этого события.

В Туапсе, куда мы стремились, шторм не дал нам причалить, то же произошло в Сочи, на землю сошли только в Сухуми. Тут кончилась логика, руководившая до сих пор нашим движением, дальше мы двигались уже гонимые беженской судьбой, - неизвестно куда. Нас нигде никто не ждал.

Из Сухуми доехали до Тбилиси, где не разрешили даже выйти из вагонов. На перроне собралось множество местных жителей, которые рассматривали беженцев с нескрываемым любопытством, как зоологические экспонаты. А вот в Ереване поезд встретили накрытыми на вокзале столами с изобильной едой и пригласили всех отобедать. Тут же было объявлено, что Армения с радостью примет всех желающих – на привокзальной площади стоят подводы, которые отвезут в деревни, в совхозы и колхозы, где предоставят жилье и работу.

Потом жалели, что не воспользовались армянским гостеприимством. Но случилось так, что в поезде встретили знакомых из Краснодара, которые ехали в Ташкент по вызову на работу, они приглашали с собой и обещали помочь устроиться. Однако в Баку знакомые эти потерялись – вероятно, сумели сразу попасть на пароход. В порту на берегу было многотысячное скопление людей, живших на узлах и чемоданах уже не один день в ожидании своей очереди на пароход. Наше семейство влилось в эту очередь и через неделю попало на пароход до Красноводска. Оттуда после двухдневного ожидания поехали дальше. Ни Ташкент, ни Алма-Ата беженцев не приняли – они были переполнены эвакуированными предприятиями и организациями. Дали предписание продолжать путь на Восток.

В дороге мы почти не мылись, так же как и все другие люди, переполнявшие вагоны. И очень скоро обнаружили у себя вошек. Вошь вообще была активной участницей войны на стороне врага, расплодилась в неимоверном количестве, создавая угрозу тифа. К счастью, эта беда нас миновала. Но массовая завшивленность держалась всю войну, да и после войны в школе перед началом учебного года детей осматривали на этот предмет и, бывало, обнаруживали злосчастное насекомое.

Поезд шел в Новосибирск. Перспектива оказаться в суровом климате без теплых вещей пугала и заставила сойти с поезда на случайной станции – в Семипалатинске, городе, по щиколотку засыпанном песком, где по улицам расхаживали верблюды. Верблюд изображен на старинном гербе этого города, возникшего «у семи палат». Но и это не было конечным пунктом «бега» - оттуда переехали в Ханабад, где и остановились.

Ханабад в то время – узбекский кишлак, глиняное поселение – глинистая почва, глиняные дома. Сняли крошечный глиняный домик, совершенно пустой, мебель в этих домах и не предполагалась, с глиняным полом. В центре пола – ямка, где разводили огонь, и там готовилась еда, а потом сохранялось тепло, что было очень ценно, потому что климат оказался резко-континентальный: летом жара до 40 градусов, зимой – лютый холод. В первую же зиму мы начали страдать от холода: спали на полу, на тряпье, тесно прижавшись друг к другу и накрывшись всем, что у нас было, и всю ночь дрожали от холода. У местных жителей дома внутри были устланы толстыми шерстяными коврами, в жаровне всю ночь держались горячие угли, у них было тепло. У нас не хватало топлива; не помню, чем в основном топился наш очаг, но помню, что каждый день мы с сестрой обшаривали близлежащую территорию в поисках всего, что могло гореть.

Тетя устроилась на работу счетоводом в какую-то контору, мама тоже где-то подрабатывала, с детьми оставалась сестра, которой было уже 11 лет.

Мимо нашего дома протекал арык. На том берегу расстилалось чем-то засеянное бескрайнее поле, там водились мыши, кроты, суслики. По берегам сновали ящерицы, грелись на солнце змеи; иногда змеи заползали в наш домик, наводя на нас ужас. Был какой-то момент, когда на нашей крыше расцветали маки. И был такой период, когда арык кишел малярийными комарами.

Мама и тетя переболели жесточайшей малярией, давшей осложнения на сердце и печень; обе до конца жизни страдали гепатитом, который у мамы перешел в цирроз, и у обеих было больное сердце.

После очередного приступа малярии мама заболела менингитом, ее положили в больницу в очень тяжелом состоянии. Когда мы с тетей пришли ее навестить, она была без сознания.

Врач отвел нас в сторонку и сказал тете: «Ваша сестра не выживет, у нее нет жизненных сил. Ей сейчас нужно сливочное масло, куриный бульон, мед, орехи. У вас ничего этого нет....» И вдруг произнес нечто невероятное: «Я прошу вас, отдайте мне эту девочку!» Он указал на меня. «У нас с женой нет детей, мы увезем ее в Ленинград, вырастим, воспитаем, дадим образование, она будет счастлива. А у вас есть свои дети...» Жена его тоже была врачом в этой больнице, они были из Ленинграда.

Тетушка в ужасе отшатнулась и, схватив меня за руку, побежала по коридору.

Во время войны такие случаи не были редкостью. Вероятно, многие детские судьбы переломились таким образом. Врачом двигали самые лучшие чувства. А тетя горько плакала. Она пошла по знакомым узбекам. Надо сказать, узбеки – народ доброжелательный. Наши соседи, видя, как мы голодаем и холодаем, нет-нет да и помогали нам: давали крупу, муку, лепешки, а иногда и плов, угощали детей чем-нибудь вкусным. Вероятно, тетя пошла добывать названные врачом продукты. Рискнула зайти и в богатый дом, утопавший в роскошном саду; хозяин сам вышел. И предложил ей стать первой женой – у него было уже несколько жен. Обещал: все будет – и мед, и орехи, и баран, все, что хочешь. Тетя была красавица, постоянно подвергалась мужским атакам и умела им противостоять, не теряя достоинства. В гарем она не пошла. Но продукты видимо собрала: мама поправилась.

И тут неожиданно из блокадного Ленинграда приехал отец. Но вместо радости встречи в доме поселилась печаль. Отец был болен непреодолимой апатией. Он целыми днями сидел на полу, прислонясь к стене, смотрел в одну точку, не отвечал на вопросы, не реагировал на мои приставания. Он стал не похож на себя прежнего – веселого, общительного, внимательного к другим.

Папа в 1944 году

Конец этому сидению в прострации положила повестка в военкомат. После обследования медицинская комиссия направила его в госпиталь – при росте 170 см он весил 50 кг, в легких была вода. В госпитале, где все врачи были из Ленинграда, его лечили и кормили, и через два месяца он получил назначение в армию, с учетом его состояния, - не на передовую, а в войска, дислоцированные в Иране. Там он прослужил до конца войны в газете «Советский Патриот» (отец по профессии был журналист), одновременно был радистом и библиотекарем. Таким назначением ему спасли жизнь, хотя он вернулся после войны с туберкулезом и остеомиелитом и долго лечился.

В 1943 году Краснодар и Нальчик освободили, тетушка с детьми вернулась домой, а мы с мамой поехали в Нальчик к старшей маминной сестре. Там удалось определить меня в детский сад. Сейчас это кажется невероятным, но в детский сад я ходила сама, меня некому было проводить. Конечно, я была предупреждена о всех грозящих мне опасностях, о правилах поведения на улице и переходе (а на моем пути встречалось несколько перекрестков), но единственным, что вызывало у меня настоящий страх, который унижал меня и с которым я боролась изо всех своих детских сил, были бешеные собаки. В мое сознание были впечатаны признаки бешенства: поджатый хвост и пена на морде. Собак по пути попадалось довольно много; голодные и забитые, почти все они поджимали хвосты, и я сразу получала удар страха. Но пены на морде я не видела ни разу.

Все время хотелось есть. В детском саду кормили - помню серую теплохладную манную кашу, которую мы размазывали по тарелке тонким слоем и медленно, чуть ли не по крупинке, с наслаждением съедали. К киселю давали еще

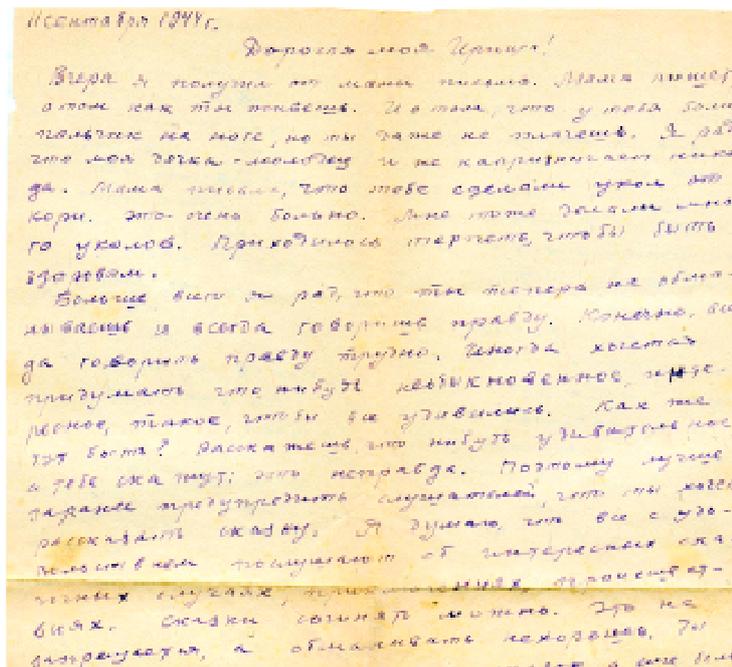
печенье Василек - одну штуку. Оно, имитируя цветок, состояло из нескольких кругов шариков, и мы долго обгрызали его по одному шарiku.

Негде было взять и одежду. Меня обрядили в пальто двоюродного брата, давно из него выросшего, - он учился уже в военном училище и не жил дома. Пальто по фасаду было сплошь заштопано катушечными нитками и шокировало даже на фоне общей бедности. (Впрочем, не все были бедными - какая-то часть населения жила в достатке). Когда однажды потребовали выступления детей на каком-то правительственном празднике и меня, бойко барабанившую стихи, назначили на эту роль, то меня пришлось переодеть в чью-то хорошенькую шубку, потому что предъявить правительству ребенка в рубище было бы грубой политической ошибкой.

Почти не помня отца, я очень по нему тосковала, спрашивала много раз на дню, когда он придет. С его приездом связывалось в детском сознании начало счастливой жизни и конец голоду и скуке. И однажды я не выдержала и сообщила воспитательницам в детском саду, что папа вернулся. Весь персонал садика сбегался на эту новость, стали расспрашивать, что папа привез. Конечно, папа привез то, чего не было у нас, но что было необходимо для жизни, для радости: конфеты, куклу, туфельки, платица, шубку, шапку, рукавички и прочее, и прочее, кажется, даже пианино привез он, потому что я очень хотела научиться играть хоть на каком-нибудь инструменте, а что такое пианино, представляла не очень отчетливо. Удивительно, но воспитательницы поверили мне: они смотрели на меня горящими глазами. И я решила воспользоваться этим (а может, и сама поверила в папин приезд) и попросила отпустить меня домой прямо сейчас, чтобы побыть с папой. И меня отпустили.

Однако дома обеспокоились моим внеурочным возвращением, придуманному мной объяснению не вполне поверили, и на завтра мама нашла минуту, чтобы забежать в садик. Весь персонал бросился ей навстречу с радостными поздравлениями. Мама залилась краской стыда, и я вдруг тоже почувствовала жгучий стыд, мне хотелось провалиться сквозь землю, исчезнуть. Воспитательницы были очень добрые, они принялись утешать маму и просили не наказывать меня. Но мама всю дорогу до дома стыдила меня, а дома еще досталось от тетушки – она была учительницей и знала очень сильные слова для таких лгунишек. Какое-то время я была совершенно несчастной и ходила в сад

мрачная и подавленная. И тут пришло письмо от папы, где он писал: «Я рад, что ты теперь не обманываешь и всегда говоришь правду. Конечно, всегда говорить правду трудно. Иногда хочется придумать что-нибудь необыкновенное, чтобы все удивились. Как же тут быть? Расскажешь что-нибудь удивительное, а тебе скажут: это неправда. Поэтому лучше заранее предупредить слушателей, что ты хочешь рассказать сказку. Когда я был маленький, я сочинял сказки обо всем, что приходило в голову. Сказки сочинять можно. Это не запрещено, а обманывать нехорошо». Это письмо очень меня подбодрило.

Папино письмо с фронта

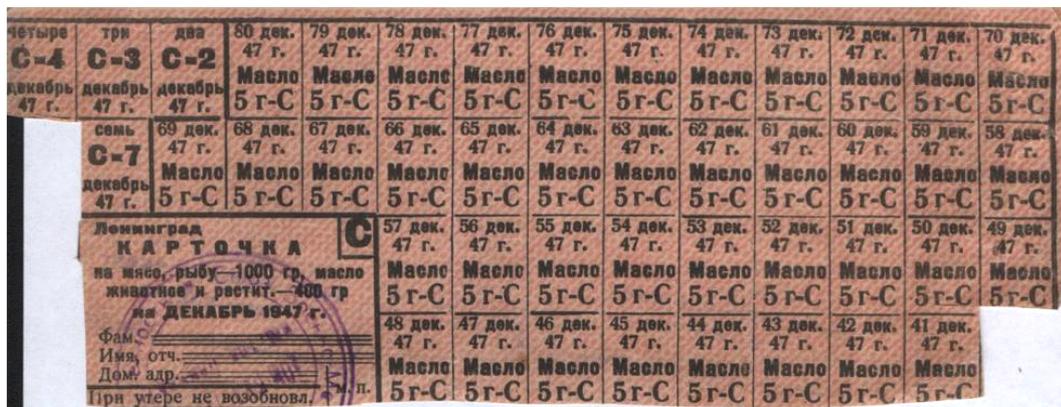

Мы с папой в 1946 году

Весной 1945 года мы вернулись в Ленинград. Нашу комнату заняли соседи, и нас поселили в семейном общежитии в Невском районе недалеко от Куракиной дачи. В Ленинграде было еще голоднее, чем в Нальчике, - там все-таки были кое-

какие овощи и фрукты. Общежитие наше (одноэтажный домик) окружено было обширными, заросшими травой пустырями. Мама давала мне наволочку и посылала на эти пустыри нарвать крапивы и лебеды, из которых варила суп. В ходу были керосинки – пыточный прибор: они капризничали, не хотели разгораться, коптели, гудели, плохо пахли. Приготовление обеда требовало большого искусства, отнимало много времени и, с сегодняшней точки зрения, было настоящим женским подвигом.

Продукты выдавали по карточкам. Чтобы отоварить их, очередь надо было занимать ночью и стоять всю ночь до открытия магазина. Зимние ночи были очень холодными; мама, отправляясь в очередь, надевала на себя все, что было теплого, и свое, и папино. И все равно, вернувшись с продуктами, а бывало, что и без продуктов, - не привозили то того, то другого, - плакала от боли в замерзших руках и ногах. Несмотря на такие героические усилия, все время хотелось есть. После отмены карточек стало легче, и однажды после обеда, мама откинулась на спинку стула и сказала с чувством глубокого удовлетворения: «Наконец-то я наелась хлеба».

Продуктовая карточка. 1947 г.

Для нашей семьи война закончилась как будто благополучно: все остались живы, даже дядя, который дважды пропадал без вести. Все вернулись домой. Но все равно – война это самое страшное, что бывает с людьми. После войны наша жизнь пошла совсем не так, как могла пойти, не будь войны, не так, как мечтали перед войной.

14.01.2013-27.02.2013